

**ЎЗБЕКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСЫ
ҚАРАҚАЛПАҚСТАН БӨЛИМИНИН
ХАБАРШЫСЫ**

ЖУРНАЛ 1960 ЖЫЛДАН БАСЛАП ШЫҒЫП АТЫР

**ВЕСТНИК
КАРАКАЛПАКСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1960 ГОДА

**№ 1
(206)**

**2007
ККО АН РУ**

Сведения по истории Хивинского ханства, относящиеся к новому времени, хранятся в архивных документах зарубежных стран (в т.ч. в Москве и Санкт-Петербурге) и книгах, дневниках, альбомах

исследователей. Исследуя и изучая их, можно воспроизвести подлинную историю Хивинского ханства и историю Приаралья в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики России (МИД). Фонд Караканакские дела. Опись 117/II, дело 1. 1722 г.
2. ЦГА ВМФ России. Фонд 19, письмо 2, дело 3,6.
3. Там же. Фонд 402, письмо 2, дело 212. 6571.
4. Цветущее состояние Всероссийского государства в самое начало привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий // Кн. 1. Собрания трудов статского советника и бывшего в Сенате обер-секретаря господина Ивана Кирилова из подлиннейших Сенатских архивов в феврале месяце 1727 года. М., 1831.
5. Histoire des Mongols et des tatars par Abol-Chazi Behadez Khan Pubbee, traduite et annotée par le Baren Desmaisons, t.I, texte St.Petersboorg 1871, t.II, Production St.Petersboorg. 1874.
6. Шпилевский. Древние города и другие болгарско-татарские памятники. Казань. 1877.
7. Histoire Generale des Huns, des Turcs, des Mebols, et des autres tatars occidentaux, Par. M.Dewicenes. MDEELVI [1756] Pariz.
8. Татищев В.Н. и его время. Сочинение Н. Папова. М., 1861.
9. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882.
10. ЦГИА. Фонд ВУА, дело 20.634, карта Я. Боувера (1787-1794 гг.).
11. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740-1741 гг. Гладишевым и Муравьиным. Изд. Я.В. Ханниковым. СПб., 1851.
12. Путешествие из Оренбурга в Хиву. Ж.МВД. Часть 34. СПб., 1939.
13. Хрисциф Митрополита Новопатрасского О странах Средней Азии, посвященных им в 1790 годах, издал В.В. Григорьев. М., 1861.
14. Путевые заметки майора Бланкенгагена в Хиву в 1793-1794 гг. с примечанием В.В. Григорьева. // Вестник Имп. РГО СПб., 1858. №3.
15. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VII. СПб., 1825.
16. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Часть 2. О народах татарского племени. СПб., 1776.
17. О горах за Каспийское море древних, средних и новейших времен, выписано из журнала тайного советника, сенатора Ф.И. Сайманова. М., 1765.
18. Хива в нынешнем своем состоянии. // Отечественные записки. СПб., 1840.
19. Витковский В.Н., Неплюев И.И. Оренбургский край в прежнем его составе до 1785 г. Т.3. Казань. 1897.
20. О нынешнем состоянии некоторых областей и городов в Средней Азии. Азиатский Вестник, издаваемый Г. Спасским. СПб., 1826.
21. Фахраддин Шамсаддин ал-Хорезми. Айдах ал-Калуб. Институт востоковедения в г. Ташкенте. РКП. Инв. 7523/1.
22. Даниловский Г.И. Описание Хивинского ханства. // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1851.
23. ЦГА ВМФ России. Фонд 1331, опись 6, дело 23.
24. Новолетов М. Калмыки. СПб., 1884.
25. ЦГИА. Фонд 730, опись 1, дело 307, 6 л.
26. ЦГИА. Фонд 730, опись 1, дело 133, 61 л.
27. Клевейн Е.Я. Орывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности во время правления Сейдмухаммед хана в 1859-1860 гг. ЗИРГО. Кн.1. СПб., 1861.

ДРЕВНЕЙШАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМА "БОЛЬШОГО ХОРЕЗМА" (1 цикл)

В.Н. Ягодин

Институт истории, археологии и этнографии ККО АН РУ, г. Нукус

Источники. Разрабатывая проблему древнейшей государственности Хорезма, мы неизбежно сталкиваемся с недостатком источников для исторической реконструкции процессов классообразования и изучения особенностей общественного строя в этот период. Классический этап, отражающий наиболее ранние стадии формирования древнехорезмийской государственности, пока известен исключительно по данным археологии. Тем не менее, при кажущемся изобилии и значимости археологических материалов они не дают возможности достаточно определенно судить о характере древнехорезмийских политических институтов.

Большой Хорезм. В течение длительного времени в науке доминировала гипотеза о могущественном доахеменидском государственном объеди-

нении, так называемом "Большом Хорезме", как первом государственном образовании в низовьях Амударьи. Между тем, накопленные к настоящему времени новые научные данные приходят в противоречие с системой традиционных взглядов на раннюю историю народов, населявших Южное Приаралье и на проблему формирования древнехорезмийской государственности в частности.

Гипотеза о "Большом Хорезме" была выдвинута в начале XX столетия И. Марквартом [1938, с.9ff], а впоследствии была поддержана и развита такими выдающимися исследователями, как С.П. Толстов [1948а, с.20, 341; 1948б, с.103 и сл.], В.Б. Хеннинг [Henning, 1951, p.42], И. Гершевич [Gershevitch, 1959, p.14-21, 296-299]. Затем она была принята и вошла во многие обобщающие работы, посвящен-

ные проблемам ранней государственности Средней Азии [История таджикского народа. Т. I. 1963. с. 451-454; История ККАССР. 1974. с. 33 и др.].

Одним из оснований этой гипотезы являлось, во-первых, сообщение Гекатея Милетского [Athen., II. 70 A-B] о хорезмийцах, которые жили "по направлению к восходу солнца" от парфян [перевод и источниковедческий анализ. См.: Пьянков, 1972. с. 3-21] и, во-вторых, легенда, приведенная Геродотом о реке Акес [Herod. III, 117].

Основываясь на сообщении Гекатея Милетского, некоторые ученые полагали, что древнейший Хорезм - это страна, лежащая в оазисах рек Теджен и Мургаб [Пьянков, 1961. с. 100; 1972], население которой впоследствии продвинулось на север и заняло территории в низовьях реки Амударьи к северу от Парфии. Между тем, новейшие археологические изыскания, во-первых, не обнаружили в бассейнах рек Теджен и Мургаба никаких следов культуры, которая могла бы быть связана с древнехорезмийским этносом и, во-вторых, значительно изменили наши представления о границах территории древнего Хорезма VI в. до н.э.

Последнее обстоятельство уже отметила М.Г. Воробьева, которая, основываясь на данных В.Н. Пилипко [Пилипко, 1975. с. 527-528], сдвинула южные границы расселения хорезмийцев далеко на юг от низовьев Амударьи, отметив, что "...заселенная древними хорезмийцами территория в архаический период не ограничивалась, как это считалось ранее, низовьями реки, но занимала прибрежную полосу и

на Средней Амударье" [Воробьева, 1979. с. 40]. Подобная оценка границ расселения хорезмийцев второй половины VI в. до н.э. вполне соответствует указанию Гекатея Милетского, который, по замечанию М.Г. Воробьевой, вероятно, владел сведениями только о южных окраинах Хорезма [Воробьева, 1979. с. 41], действительно населенных хорезмийцами, "живущими к востоку от парфов". В данной связи уместно заметить, что Гекатей в своем сообщении о хорезмийцах, живущих к востоку от парфов, основывался на сочинениях путешественника Скилака, который, возможно, совершил путешествие по "царской дороге" от Мидии на восток к парфам, затем к хорасмиям и далее на восток до Бактра [Пьянков, 1997. с. 13].

Ю.А. Рапопорт также отметил, что сообщение Гекатея не следует понимать буквально и что в действительности "...наиболее южные поселения хорезмийцев в VI в. до н.э. находились на северо-восток-восток от парфянских земель" [Рапопорт, 1998. с. 29].

Таким образом, мы можем полагать, что в конце VI в. до н.э. (данные Скилака относятся к периоду между 519 и 512 гг. до н.э.) племена, носившие имя хорасмиев, расселялись не только на территории собственно Хорезмского оазиса (к северу от парфов) в низовьях Амударьи, но и в ее среднем течении (к востоку от парфов).

Другим основанием является известный рассказ Геродота, в котором описывается река Акес (Ак), находящаяся в Азии и вытекающая из гор на равни-

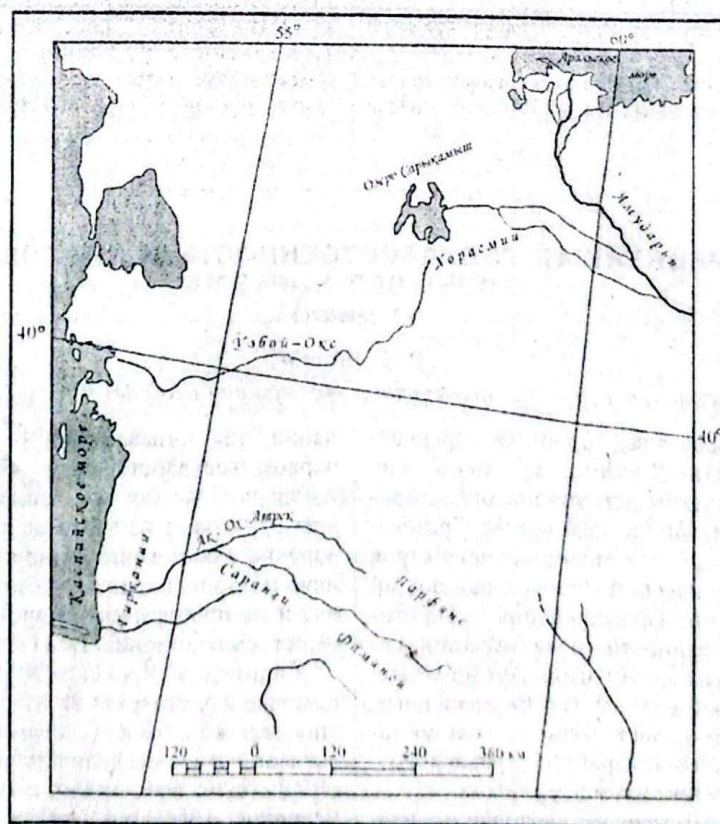

Рис. 1. Река Ак Геродота и окружающие ее народы (По И.Н. Хлопину с дополнениями автора).

ну. Этой местностью, по сведениям источника, граничащей с гирканами, парфянами, сарангами и фаманеями некогда владели хорасмины. Впоследствии эти народы попали под власть персов, которые построили в горных проходах, на пяти рукавах реки шлюзы и, регулируя подачу воды для орошения, стали контролировать эти народы и собирать с них дань [Herod. III, 117].

Рассказ Геродота о реке Ак и граничащих с ней народов породил обширную литературу [Обзор литературы. См.: Хлопин, 1983, с.32 и сл.]. Среди многочисленных точек зрения, высказанных по этому поводу, господствующей является точка зрения о "Большом Хорезме" с центром в районах современного Мерва и Герата, существовавшей в пределах позднейшей XVI сатрапии государства Ахеменидов, объединявшей, по сведениям Геродота [III, 93], парфян, согдийцев, хорезмийцев и Ариев и об отождествлении реки Ак с рекой Теджен-Герируд. Исследователи полагали, что впоследствии хорезмийцы были вытеснены из этих районов в низовья Амударьи (Пьянков, 1972, с.20). Время этого переселения оценивалось по-разному, это событие относили то к мидийской эпохе [Маршак, 1991, с.191]; то ко времени Ахеменидов [Пьянков, 1972, с.18-20; Пьянков, 1983, с.42-45, 48-49; Пьянков, 1994, с.197]; то даже ко времени, предшествовавшему греко-македонской экспансии [Вишневская, Рапопорт, 1997, с.166]. Вполне очевидно, что в рассказе Геродота речь идет о расселении перечисленных народов в предахеменидский период, поскольку "... эти народы попали под власть персов..." *впоследствии*.

Результаты новейших исследований и в особенности новые археологические открытия позволяют, как это уже отмечено Ю.А. Рапопортом [Рапопорт, 1998, с.29], отказаться от сложных построений, связанных с гипотезой о существовании Большого Хорезма.

Доводы сторонников гипотезы о Большом Хорезме подверг критическому анализу И.Н. Хлопин, который однозначно отрицательно решает вопрос о существовании Большого Хорезма. И.Н. Хлопин рассматривал эту гипотезу как "...плод воображения некоторых ученых" [Хлопин, 1983, с.52-57; 177]. По его мнению, река Ак может быть отождествлена с рекой Атрек в юго-западной Туркмении, вокруг которой локализуются перечисленные Геродотом гиркании, парфяне, саранги и фаманеи [Хлопин, 1983, с.39-44]. Что касается высказанного им мнения относительно локализации хорасмиев, то новейшие археологические материалы позволяют несколько скорректировать его и поместить хорасмиев Геродота не к северу от низовий Ака-Атрека, а к северо-востоку от него в районе древней Присарыкамийской дельты р. Амударьи (рис. 1). Эти территории, ранее безводные и не заселенные, как показали новейшие археологические изыскания, начинают обводняться и заселяться в конце VIII-начале VII вв. до н.э. С территории усыхающей южной дельты Акчадарьи [ее описание и историю развития см. Низовья Амударьи... 1960] сюда проникают амирабадские племена эпохи поздней бронзы. На

эту же территорию в поисках новых пастбищ переселяются из низовий Сырдарьи сакские племена [Яблонский, 1996]. Появившись в низовьях Амударьи, саки вступают в тесные контакты с населением древнеземледельческих цивилизаций бассейнов рек Теджен, Мургаб, Атрек и предгорной полосы Копетдага. Контакты эти, как полагает ряд современных исследователей, не ограничивались мирными взаимоотношениями, со временем саки стали активно вторгаться на территорию богатых, древних земледельческих стран, лежавших к югу от низовьев Амударьи. Сейчас ряд ученых полагают возможным говорить о сакской "зоне вторжения", охватывающей эти районы [Вишневская, Рапопорт, 1997, с.167, 171]. Не исключено, что во время этих походов саки столкнулись с мидянами. В источниках имеются данные о борьбе саков с мидянами за обладание Парфией и уже сделана попытка соотнести эти сведения с саками низовий Амударьи и их походами на юг [Кузмина, 1977, с.80-81; Вайнберг, 1991, с.14]. Вполне вероятно, что какие-то группы саков могли оседать в пределах этой зоны и владеть теми или иными ее районами, что, возможно, и нашло свое отражение в рассказе о реке Ак, приведенной Геродотом. В этот же период добровольно или по принуждению сюда переселяются из района Туркмено-Хорасанских гор в Иране оседло-скотоводческие племена, носившие этническое имя "хорасмины", ставшее позднее общим этническим именем всего населения, занимавшего территорию Нижней и отчасти Средней Амударьи и названием страны.

Сложение древнейшей государственности в низовьях Амударьи в современной науке принято относить ко времени не ранее чем начало VI в. до н.э. [Итина, 1977, с.237] или к рубежу VII-VI вв. до н.э. [Вишневская, Рапопорт, 1997, с.150; Рапопорт, 1998, с.30], ко времени первоначального появления в Хорезме так наз. "кюзелигырской" или "арханческой" культуры, которая появляется как результат синтеза различных этносов и культур под воздействием центров более древней государственности, находящихся на юге Туркмении и территории современного Ирана.

Предпосылки формирования классового общества и древнейшей государственности. Их также необходимо рассматривать отдельно для юго-восточных и северо-западных частей Хорезма. Для юго-восточной части одной из важнейших предпосылок было зарождение культуры земледелия. Орошаемое земледелие в странах с недостаточным уровнем годовых осадков всегда являлось фундаментом древнейших цивилизаций [Андрианов, 1969, с.3]. Для древнего Хорезма, который является земледельческой и урбанистической цивилизацией, развивавшейся в стране с аридным климатом, искусственное орошение (ирригация) являлось непременным условием развития земледелия. Появление ирригационного земледелия в качестве отдаленных последствий имеет формирование классового общества, зарождение государства, как необходимого инструмента для сооружения и эксплуатации крупных оросительных систем, перехода от доклассового общества к цивилизации.

Для северо-западных районов важнейшей предпосылкой являлось существование такой формы хозяйства, как оседлое скотоводство, которое сочеталось с неирригационными формами земледелия.

И, наконец, одной из важнейших предпосылок являлось наличие так наз. протогородских центров, подобных тем, которые мы имели в древних Бактрии и Маргиане.

Рассмотрим каждую из перечисленных предпосылок.

Зарождение и развитие земледельческой культуры на востоке Хорезмского оазиса. Правобережная часть (южная дельта Акчадарьи). Наличие здесь плодородных земель, обилие мелких дельтовых протоков с медленно текущими водами способствовало переходу к производящему хозяйству, зарождению и развитию земледелия, которое появляется здесь еще в середине II тыс. до н.э. в эпоху бронзы в рамках т. наз. "тазабагыбской культуры" [Андрианов, 1969, с. 102 и сл.; Итина, 1977, с. 173 и сл.]. Эта культура принадлежала к типу земледельческо-скотоводческих культур степной зоны [Итина, 1977, с. 39] и являлась одним из промежуточных звеньев в сложном процессе продвижения на юг в Среднюю Азию и Индию древних индоариев, принадлежавших к индоиранской языковой группе [Толстов, 1962, с. 59]. Развитие орошаемого земледелия в низовьях Амударьи представляет собой сложный процесс, с одной стороны, эмпирического познания законов природы, процесс поисков и накопление опыта древними ирригаторами, позволявшим сознательно использовать полученные знания в интересах общества, с другой стороны, заимствование опыта ирригационного земледелия в странах, где оно зародилось ранее.

Начальный этап в развитии орошаемого земледелия в низовьях Амударьи связан с так наз. "лиманным" и "каирным" способом орошения. Для аллювиальных дельтовых равнин это древнейшая система искусственного орошения, основанная на естественном увлажнении земель паводковыми разливами [Гулямов, 1957, с. 54 и сл.; Итина, 1968, с. 83-84; Андрианов, 1969, с. 102-103]. Исследователи полагают, что развитие земледелия у племен бронзового века низовьев Амударьи стимулировалось культурными связями с югом и, возможно, даже небольшой инфильтрацией населения южного происхождения. Этими же связями было обусловлено знакомство с культурными знаками [Итина, 1968, с. 84].

Следующий этап развития орошаемого земледелия характеризуется освоением навыков сооружения небольших полей, представляющих собой небольшие неправильные обвалованные четырехугольные площадки размером 2,6-3,0х3,5-4,8 м, расположенные в ряд несколькими группами. "Поля" располагались на берегу старицы, поступление паводковых вод в которую уже регулировалось искусственным путем. Позднее воду к поливным участкам стали подавать уже не непосредственно из старицы, а при помощи небольших коротких каналов [Андрианов, 1969, с. 104-106].

Со временем подобные "поля" и оросители ста-

ли образовывать обширные системы, располагавшиеся по берегам боковых протоков дельты. Вдоль таких русел с медленно текущими водами располагались поселки земледельцев бронзового века, состоявшие из двух-трех отдельных жилищ, расположенных в 20-30 м одно от другого и обширной системы примитивных полей и подводящих каналов. Люди овладели навыками удержания и подачи воды на поля при помощи каналов и арыков, использования естественных уклонов для самотечной подачи воды из усыхающих дельтовых протоков на поля, для чего вдоль них сооружались довольно длинные каналы и вода в распределители поступала уже не непосредственно из русла. Последнее часто искусственно обваловывалось, что по сути являлось уже прообразом будущих магистральных каналов. Неустойчивый водный режим дельты обуславливал недолговременность подобных земледельческих поселений, вынужденных часто менять место поселения и полей и носивших, вследствие этого, полуоседлый характер, и комплексную земледельческо-скотоводческую хозяйственную ориентацию [Итина, 1968, с. 78-79].

В эпоху поздней бронзы в рамках так наз. "амирабадской культуры" ирригационные системы еще более усложняются. В отличие от небольших, сравнительно коротких арыков предшествующего периода появляются достаточно протяженные (до 1 км) арыки, имеющие разветвления в нижней части. Во многих случаях амирабадские каналы строятся как продолжение усыхающих протоков, как бы "подтягивая" уходящую воду [Андрианов, 1969]. В целом в эпоху поздней бронзы формируются все те характерные особенности оросительных систем, которые в полной мере будут характерны для ирригационных систем последующей эпохи ранней государственности Хорезма.

Прогрессирующее развитие оросительных систем, расширение орошаемых площадей (на стоянке Базар-8, например, орошаемая площадь достигает уже около 200 га), развитие ирригационной техники являются факторами, свидетельствующими о значительном ускорении развития производительных сил.

Наряду с развитием орошаемого земледелия в конце II-начале I тыс. до н.э. в Правобережной части Южного Приаралья наблюдаются первые признаки выделения ремесла. Увеличиваются возможности для производства избыточного продукта, что закладывает основы имущественной и социальной дифференциации. Аналогичные процессы отмечаются и для протогородских культур юга Средней Азии, однако в Южном Приаралье эти процессы протекали позднее, чем на юге и развивались в более замедленном темпе. Здесь отсутствовали те типы культуры, которые принято связывать с протогородскими типами поселений. В амирабадской культуре не сформировались традиции глинобитного и сырцового домостроительства. Не отмечено никаких признаков, которые свидетельствовали бы о генезисе на стадии амирабадской культуры процессов урбанизации. Все это дало основание некоторым исследователям утверждать, что амирабадская куль-

тура поздней эпохи бронзы не связана прямой исторической преемственностью по всем ее признакам с раннеархаической культурой. Когда формируется раннеклассовое общество и зарождаются древнейшие формы государственности. Действительно, такая преемственность не прослеживается в развитии некоторых форм материальной культуры, например, в керамическом производстве. Вместе с тем, традиции ирригационного строительства и орошаемого земледелия, заложенные в амирабадской культуре, несомненно, связаны исторической преемственностью с традициями орошаемого земледелия на новом историческом этапе, в рамках раннеархаической культуры в ее южнохорезмском варианте.

К VII в. до н.э. исследователи отмечают постепенное угасание амирабадской культуры. В качестве одной из причин отмечается активно развивающееся в этот период усыхание южной дельты

Акчадарьи и невозможность для амирабадского населения оросить усыхающие земли. Все это приводит к возрастанию роли скотоводства в сфере амирабадской экономики и постепенному сокращению заселенности дельты. Исследователи культур эпохи бронзы Южного Приаралья отмечают резкое сокращение количества оседлых поселений на территории южной дельты Акчадарьи в VII в. до н.э. по сравнению с количеством поселений в период IX-VIII вв. до н.э. Вместе с тем необходимо отметить, что в этот период археологические памятники позднеамирабадской культуры появляются и в Левобережье (Присарыкамьшская дельта) [Дурдыев, 1984; Юсупов, 1991], что может свидетельствовать о переселении сюда части амирабадского населения из усыхающей южной Акчадарьинской дельты.

Окончание в следующем номере.

КАМЕННЫЕ КОТЛЫ ИЗ ТОПРАК-КАЛЫ КУНГРАДСКОЙ

Н. Сапаров¹, А. Алимбетов²

¹Институт истории, археологии и этнографии ККО АН РУ,

²Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, г. Нукус

Археологический отряд Каракалпакского государственного университета им. Бердаха в 1997 г. проводил археологическое изучение низовий Аму-дарьи – области, где в древности пролегла граница между оседлым земледельческим и кочевым миром. Одним из объектов исследования являлось городище Топрак-кала Кунградская [Туребеков, 2004. с.9]. В настоящей статье речь пойдет о двух интересных изделиях – каменных котлах, найденных на городище в помещении № 11.

Первый котел (рис. 1) шаровидной формы с прямым венчиком, расширяющимся к низу туловом, широким округлым дном. Диаметр венчика 22 см, дна – 19 см, высота – 21,5 см. Толщина стенок – 0,6 см, в местах перехода ко дну 1 см. В 3 см ниже края устья напротив друг друга сделаны четыре ручки дугообразной формы. Ручки шириной 15 см и толщиной 1,5 см выступают на 2 см. Также, по-видимому, первоначально котел имел четыре ножки, из которых сохранилась лишь одна. Высота ножек около 0,7 см.

На стенках котла с внешней стороны сохранились следы инструмента в виде концентрических, равномерно спускающихся вниз горизонтальных бороздок. На днище они отходят ступеньками от ножек к его середине. Снаружи котел сильно закопчен, внутренняя поверхность чистая. Котел археологически целый, лишь на дне имеются следы ремонта железными заклепками и медной проволокой.

Рассматриваемый сосуд отличается от известных типов тонкими стенками и изящной формой, что было достигнуто обработкой внешней и внутренней поверхности на станке.

Второй котел (рис. 2) конической формы, с пря-

мым краем, расширяющимся к низу туловом и широким плоским дном. Диаметр венчика 15 см, дна – 22 см, высота 13,2 см. Толщина стенок 1 см, в местах перехода ко дну 1,5 см. Котел скреплен металлическими скобами во многих местах. Для того чтобы обеспечить гладкость стенок, скобы заглублены в специальные надпилы, соединяющие отверстия, куда они вдевались. На венчике друг против друга сделаны ручки в виде выступа трапециевидной формы. Посередине двух из них сверху вниз просверлены сквозные отверстия. Скорее всего, в них крепились металлические петли для того, чтобы котел можно было подвешивать над очагом на металлических крюках. На это указывают следы металлических окислов в отверстиях одной из ручек. Поверхность котла наполовину высоты украшена резным орнаментом в виде наклонных ложбинок-каннелюров, образующих композицию из череды треугольников. Вершины у треугольников отсутствуют, поскольку выходят за края сосуда. Участки под ручками горизонтально рифленые и заполняют пространство между треугольниками. Ручки орнаментированы узорами в виде "елочки". В пространстве между ручками треугольники разграничиваются вертикальными выступами, начинающимися у края сосуда и продолжающимися вниз примерно до середины высоты котла, где они сливаются с плоскостью стенок сосуда. В плане выступы имеют форму вытянутых треугольников с шириной основания от 1,3 до 1,5 см.

Внутренняя поверхность котла обработана на станке, а внешняя вырезана вручную. Судя по сохранившимся следам, орнамент на котлах вырезался с помощью острого резца с узкой рабочей частью. На это указывают мелкие бороздки на стен-

ЎЗБЕКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСЫ
ҚАРАҚАЛПАҚСТАН БӨЛИМИНИН
ХАБАРШЫСЫ

ЖУРНАЛ 1960 ЖЫЛДАН БАСЛАП ШЫҒЫП АТЫР

ВЕСТНИК
КАРАКАЛПАКСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1960 ГОДА

№2
(207)

2007
ККО АН РУ

камышом, далее гнется вдоль взморья ряд песчаных бугров, заросших кустарником. В длину полуострова во внутрь тянется на 5 верст соленое озеро." Участвовавший в экспедиции Т. Шевченко рисовал избирательно, фиксируя только самое существенное, интересное. Из всего увиденного на Кунгасандане он запечатлел упомянутый выше Бусай - не залив, но его берег, т.е. южную сторону полуострова.

В этом же году экспедиция описала остров Чиканарал - остров в восточной части Аральского моря. Место, где шхуну "Константин" и группу моряков, находившуюся на берегу, настиг жестокий шторм ("я ежеминутно ожидал гибели", - свидетельствовал Бутаков). С борта шхуны, вскоре после окончания морской бури, Т. Шевченко сделал карандашный рисунок и тут же снабдил его надписью: "В.б. Чекань-араль". Впоследствии, уже в Оренбурге, набросок послужил материалом для акварели.

"Остров окружен мелью и на нем огромное количество гнезд бакланых, лебяжьих и бабы-птицы, в которых были уже детеныши разных возрастов, - писал А. Бутаков в июле 1849 г. об острове Чикитал. - Лебедей, баб, бакланов, маргышек и больших чаек несметное множество." Акварель Т. Шевченко, запечатлевшая это, известна лишь по репродукции.

Шхуна "Константин" находилась у острова Кускетпес 9 июля 1849 г. и описала его. Тогда же был

описан остров Чучкабас: "Остров состоит из наносного песчаного и солонцеватого грунта, с буграми, поросшими кустами джунглы. По окраинам густые камыши, а в каналах хорошая снеговая вода".

30 августа 1849 г. был нанесен на карту моря остров Беллинсгаузена, который был назван в честь почтаемого моряками выдающегося русского адмирала-первопроходца (1778-1852).

В последний день августа 1849 г. был нанесен на карту моря остров Лазарева: "Остров тот, названный мною в честь главного командира Черноморского флота островом Лазарева, весь каменный и состоит из тех же пластов, как восточный берег острова Николая".

К концу августа 1849 г. работы по описанию Аральского моря были завершены. За этот период удалось достичь значительных результатов: проведена общая рекогносцировка Арала как с моря, так и с суши; сделан промер глубин по всем направлениям; произведена полная съемка острова Барсакельмес; впервые открыта и изучена группа островов Возрождения. Кроме того, проводились астрономические определения, собирались полезные ископаемые и гербарии приаральской флоры. В 1850 г. на основании исследований Бутакова Гидрографическим департаментом Морского министерства была издана Морская карта Аральского моря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутаков А.И. Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря в 1848 г. // Вестник РГО, 1853, ч. 7, кн. I, с. 45.
2. Макшеев А. Географические сведения "Большого чертежа" о киргизских степях и Туркестанском крае. // Записки ИРГО по отделу этнографии. Санкт-Петербург. 1880. Т. VI, с. 38.
3. Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII-XIX веках. (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент. Фан. 1968. с. 91; 109; 186-187.
4. История открытия и исследования Советской Азии. М., Мысль. 1969. с. 53.

SUMMARY

In this article is written development of Aral Sea shipmend and diskribed is lands of Aral Sea.

ДРЕВНЕЙШАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМА "БОЛЬШОГО ХОРЕЗМА" (2 цикл)

В.Н. Ягодин

Институт истории, археологии и этнографии ККО АН РУ, г. Нукус

Левобережная часть (Южный Хорезм). Здесь также наблюдаются существенные отличия. Исследователи установили, что эпизодически в эти районы проникают племена тазабагыбской культуры, основной ареал которых связан с южной акчадарьинской дельтой на Правобережье. Однако резкое расширение этих передвижений приходится на эпоху поздней бронзы и связано с амирабадской культурой. В пределах своего первоначального ареала эти культуры, как мы уже показали выше, базируются на придомном скотоводстве и орошаемом земледелии. Появление этих племен на юге Левобережья связано с отгонным и даже полукочевым животноводством, появляющимся на стадии тазабагы-

ябской культуры и особенно массовый характер принимающие на стадии амирабадской культуры [Виноградов, Итина, Мамедов, 1991. с.76].

Одним из важнейших факторов возникновения древнейшей государственности является воздействие на культуру древнего Хорезма со стороны более древних южных цивилизаций. В конкретно-исторических условиях VII-первой половины VI вв. до н.э. это воздействие на культуру древнего Хорезма со стороны культур бактрийско-маргианского комплекса.

В контексте изучения проблемы формирования ранней государственности Хорезма важное значение имеют бактрийские материалы. Для периода пе-

перехода от эпохи бронзы к раннему железу в Северной Бактрии отмечается сокращение площадей оседлых поселений. Исследователи связывают это явление с миграцией отдельных групп земледельческого населения с территории Северной Бактрии на неосвоенные земли в районе среднего течения Амударьи [Сагдуллаев, 1989а, с.37; 1989б, с.60, рис. 6]. Новейшие археологические изыскания позволили предположить последующее их продвижение на территорию Нижней Амударьи и отнести эти события к концу VII-первой половине VI в. до н.э. [Болелов, 1999, с.90].

Археологически миграцию населения из Северной Бактрии документируют материалы раскопок *Кош-калы-1* в среднем течении Амударьи [Пилипко, 1975, с.527-528] и *Хумбуз тепе* в Хорезмском оазисе [Болелов, 1999]. Кош-кала-1 представляла собой крепость прямоугольную в плане с внутренними коридорами и прямоугольными оборонительными башнями на стенах. Нижний слой датирован VI-V вв. до н.э. на основании находок хорезмийской керамики на полах внутристенных коридоров. Нижний слой Хумбуз тепе (ХТ-1а по Болелову) датирован доахеменидским временем - первой половиной VI в. до н.э. и представлен остатками производства, достаточно определенно свидетельствующими о том, что это было поселение ремесленников-гончаров. Здесь были обнаружены комплексы гончарной керамики типа Яз-II. Известно, что в самой Бактрии позднебактрийские керамические комплексы находятся в генетической связи с керамикой эпохи поздней бронзы (Аскаров, Альбаум, 1979, с.79-80). В то же время в Хорезме подобная связь отсутствует (Вайнберг, 1991, с.94). Все это делает достаточно фундированным предположение, что в Хорезм эти комплексы были привнесены со стороны.

С приходом этих племен связано появление и распространение гончарного круга, традиций глинобитного и сырцового домостроительства и использование крупноформатного кирпича-сырца, дальнейшее развитие орошаемого земледелия, зародившегося здесь еще в эпоху бронзы. Получает развитие торговля. По мнению некоторых ученых, в первой половине I тыс. до н.э. формируется торговый путь, шедший по левому берегу р. Амударьи из южных областей Средней Азии в Хорезм.

В контексте рассматриваемого вопроса значительный интерес представляет городище *Хазарасп* - крупнейший древний город на востоке Левобережного Хорезма. Археологические исследования, проведенные здесь в период 1958-1960 гг., позволили выявить культурные слои рубежа V-IV вв. до н.э. [Воробьева и др., 1963, с.198]. Вопрос о наличии более древних слоев остался открытым, поскольку уровень грунтовых вод того периода не позволил надежно документировать наличие или отсутствие слоев более раннего времени [Воробьева и др., 1963, с.159]. В процессе новейших археологических изысканий, проведенных в пределах древнего Хазараспа, исследователям удалось документировать в свите слоев Хазараспа наличие культурного слоя,

датируемого ранее чем рубежом V-IV вв. до н.э. [Баратов, Матрасулов, 2003, с.44].

Вопрос об ирригации доахеменидского периода. Рассматривая тезис о наличии в Хорезме больших ирригационных систем с многокилометровыми магистральными каналами, требующими для своего строительства и эксплуатации наличия государства, мы должны обратиться к истории ирригации древнего Хорезма, разработанной в трудах С.П. Толстова, Я.Г. Гулямова и Б.В. Андрианова [Толстов, 1948а; Гулямов, 1957; Андрианов, 1969].

В наиболее фундаментальной сводке Б.В. Андрианова каналы архаического периода датируются в широких временных рамках VII-V вв. до н.э. Между тем проблемы истории ранней государственности требуют более детализированной хронологии, в частности, выделения ирригации доахеменидского периода, тем более, что исследователи выделяют археологические слои этого времени в таких памятниках, как Кюзелигыр и Хумбуз-тепе. Однако современное состояние источниковедческой базы не позволяет это сделать. Среди изученных и археологически картографированных ирригационных систем архаического периода нет ни одной, возникновение которой мы могли бы уверенно отнести к доахеменидскому периоду. Разумеется, это отнюдь не означает, что таких систем не было. Более того, сама историческая эволюция ирригации древнего Хорезма позволяет предположить наличие таких систем. Однако на современном этапе развития науки надежно документированных ирригационных систем предахеменидского периода выделить пока не представляется возможным.

Приведенные факты делают достаточно обоснованным предположение о продвижении в Южный Хорезм части древнеземледельческого населения из Бактрии, принесшего с собой традиции ремесленного гончарного производства, глинобитного и сырцового домостроительства, положивших начало процессу урбанизации и основавших династию Сиявушидов - первую династию древнехорезмийских царей. Если верно предположение о ранней дате Хазараспа, можно предполагать, что именно он являлся первым городским центром одного из древнейших очагов государственности на территории Южного Хорезма. Бактрийское население, мигрировавшее в

Таблица

Состав стада по материалам поселения Куясай-2

Вид животного	Уд. вес в стаде (%)
Крупный рогатый скот	28,90
Мелкий рогатый скот	40,10
Лошадь	18,69
Верблюд	7,47
Осел	2,80
Свинья	1,86

Южный Хорезм, являлось также носителем традиций орошаемого земледелия. Смешавшись здесь с потомками амирабадского населения, имевшими собственные древние традиции ведения ирригационного земледелия, они смогли выработать целый комплекс новых приемов земледелия и ирригационного строительства, что, в свою очередь, не могло не повысить продуктивности сельскохозяйственного производства.

В то же время данные письменных источников и археологии позволяют говорить о том, что в период VIII-VII вв. до н.э. нет никаких свидетельств о существовании в Южном Приаралье городов и городской жизни.

Западная часть Хорезмского оазиса (Присарыкамьшская дельта). Здесь отмечаются несколько иные исторические процессы. На территории древней Присарыкамьшской дельты Амударьи для периода VIII-первой половины VI в. до н.э. отмечается расселение нескольких различных этнокультурных групп.

Во-первых, это *племена эпохи бронзы*. В эпоху ранней бронзы территория Присарыкамьшской дельты оставалась незаселенной. Это было обусловлено факторами экологического порядка. Во II-начале I тыс. до н.э. Присарыкамьшская дельта не имела постоянного речного стока. Течение Амударьи направлялось в Аральское море через Акчадарьинскую дельту [Низовья Амударьи..., 1960. с.35 и сл.]. Присарыкамьшская дельта вследствие эпизодического прорыва вод Амударьи по староречьям представляла сильно заболоченную равнину, малоприспособленную для заселения [Низовья Амударьи..., 1960. с.147 и сл.; Итина, 1977. с.32]. Только с начала VII в. до н.э., по мнению некоторых исследователей, территория Присарыкамьшской дельты начинает обводняться постоянно [Вайнберг, 1999. с.23]. В конце эпохи бронзы (VIII-VII вв. до н.э.) сюда проникает из районов Правобережья и расселяется здесь какая-то часть позднеамирабадских племен [Итина, 1977. с.34; Дурдыев, 1984; Юсупов, 1991].

Во-вторых, это *раннесакские племена*. Предполагают, что сакские племена появляются в Левобережье в конце VIII в. до н.э. и существуют затем на протяжении VII в. до н.э. [Яблонский, 1996. с.52], заселяя территорию до этого в течение длительного периода не заселенную [Яблонский, 1996. с.79].

Открытие памятников культуры саков Южного Приаралья вносит в качестве первоочередных задач выяснение той роли, которую саки играли в протекавших здесь процессах распада родовых отношений, классового формирования ранней государственности. Выше мы уже отмечали, что саки низовьев Амударьи, подобно европейским скифам, совершали набеги на южные центры древних цивилизаций. Ученые очерчивают даже так наз. "зону вторжения" [Рапопорт, 1999. с.29]. Как мы знаем из этнографии, грабительские набеги являлись одним из наиболее заметных явлений общественной жизни в кочевых скотоводческих обществах. С ними были связаны контрибуции и выставленные из них данни-

ческие отношения [Першиц, 1976. с.293]. Грабительские набеги, возникая при распаде родового строя как закономерный результат военно-демократической стадии развития общества, способствовали социальной дифференциации общества, обогащая, главным образом, предводителей набегов и представителей племенной социальной верхушки [Першиц, 1976. с.294]. Нельзя исключить, что сакские племена постоянно совершали набеги на своих соседей и в самом Южном Приаралье. Принуждая их откупаться от этих набегов, саки способствовали созданию новой даннической системы общественных отношений, дальнейшему социальному расслоению. Очень важно отметить, что подобная система была временной формой эксплуатации, по наблюдениям этнографов, дань взималась только в период создания и первоначальной экспансии государства, впоследствии сменяясь обычной податью, что также вело к обогащению племенной верхушки. Внешние доходы вели к усилению племенной верхушки, открывая путь к возможности эксплуатации рядовых членов племени, социальному расслоению и развитию процессов классового формирования внутри племени. Однако в условиях сильной племенной военной организации высокого развития племенного самосознания определенная часть внешних доходов должна была распределяться и среди рядовых соплеменников — воинов, членов дружины. Это предопределяло замедленные процессы классового формирования в скотоводческом племени и своеобразные формы его проявления [Першиц, 1976. с.297-302].

Данничество, как система общественных отношений, являлось практически универсальной формой внешнеэксплуататорской деятельности едва ли не у всех кочевых народов евразийских степей в древности: скифов, сарматов, европейских гуннов, усуней и т.д. [Хазанов, 1974. с.100 и сл.]. Не были исключением, вероятно, и приаральские саки.

В-третьих, племена так наз. "*куясайской культуры*". В середине VII в. до н.э. на территории Присарыкамьшской дельты появляются памятники раннего этапа этой культуры (середина VII-середина VI вв. до н.э.) [Медведская, 1972; Вайнберг, 1979. с.42-44; Вайнберг, 1992. с.117]. Исследователи полагают, что эти племена добровольно или насильственно переселяются в дельту Амударьи саками из района Туркмено-Хорасанских гор. Именно с этими племенами связан этноним "Хорасмин", который они приносят в низовья Амударьи и который впоследствии становится названием всей страны и ее народа [Вайнберг, 1999. с.235-236].

Поселения. Население размещалось в оседлых, не укрепленных поселениях, состоявших в основном из отдельных наземных жилищ со стенами каркасной или столбовой конструкции, располагавшихся на берегах обводненных русел. В центре дома, напротив входа, располагавшегося с южной стороны, находился открытый очаг. Площадь дома составляла около 100 кв. м. Рядом с домами располагались хозяйственные комплексы типа дворов, внутри которых находились многочисленные ямы и хозяйственные постройки со стенами столбовой

Социальная структура общества ранних саксов Присарыкамышской дельты. Археологические исследования сакских могильников на возвышенности Сакарчага в Присарыкамышской дельте Амударьи позволили исследователям предложить реконструкцию социальной структуры общества ранних саксов Левобережья. Выделяются четыре социальные группы: жрецы, воины-всадники, рядовые члены рода, беднейшая часть населения. Отмечает-

[illegible]

73

менем или союзом племен, носила название *дахью*.

Согласно Авесте, население разделено на сословия *пиштра*: жрецы, колесничие, крестьяне (земледельцы и скотоводы). Крайне редко упоминаются ремесленники [Ясна, 19, 17]. Упоминаются также рабы (*vaēsa*), но очень редко [Видэват, 9, 38; 13, 46]. Важно отметить, что рабы упоминаются лишь в составе рода [Дьяконов, 1961. с.60-61; Лившиц, 1963. с.139 и сл.].

Таким образом, в VIII-VII вв. до н.э. на территории Присарыкамышской дельты формируется определенная территориальная и этнокультурная общность. Вне зависимости от происхождения отдельных этнокультурных групп в ее составе наиболее корректно, как это предлагает Л.Т. Яблонский, рассматривать ее под общим названием "саки Южного Приаралья". В данном случае мы можем не вдаваться в дискуссии по поводу происхождения отдельных этнических групп, ее составляющих. Для нас важно отметить многоэтничный характер этой общности саков Южного Приаралья, постепенно формирующих древнехорезмийский этнос. Свидетельство Страбона о хорезмийцах, как "отрасли" массагетов (Strabo XI,8,8), видимо, отражает реальную сакскую основу древнехорезмийской культуры и этноса. Формирование этой общности происходит на базе полуоседлой скотоводческо-земледельческой экономики. В конкретных природных условиях Присарыкамышской дельты это земледелие носило неирригационный характер. Первоначальный район расселения был, вероятно, ограничен в пределах племенной (пастбищной) территории.

Источники свидетельствуют о том, что община этого периода, сохраняющая еще все основные институты родового строя, характеризуется в то же время далеко продвинувшимися вперед процессами социального расслоения, складывающимися данническими отношениями как внутри общности саков Южного Приаралья, так и во вне ее.

Родовой вождь или предводитель военной дружины одной из сакских общин, возвысившийся благодаря богатствам, собранным тем или иным способом, становится во главе союза общин, олицетворяя собой символ их единства, приобретая функции царя. Тронное место в одном из центральных помещений дворца Кюзелигыра, планировочно противопоставленное местам для знати, достаточно определенно свидетельствует о поставленной над обществом фигуре царя. Наличие в этом же комплексе сооружения, связанного с культом огня, свидетельствует о сакрализации фигуры царя и, возможно, о еще неразделенных функциях духовной и светской власти.

В обществе саков Южного Приаралья, уже стоявших на грани классового общества и формирования древнейшей государственности под воздействием южных, более древних цивилизаций, а возможно, и при не-

посредственном участии выходцев из района этих древних цивилизаций, возникают сырьевое домостроение и фортификация, оформляется царская власть, возникают первые городские образования.

В-четвертых, это население т.наз. "кюзелигырской" или "архаической культуры". В ее развитии исследователи выделяют несколько этапов, однако нас в данном случае интересует первый, наиболее ранний период, датируемый рубежом VII-VI вв. - первой половиной VI в. до н.э. - предахеменидский или доахеменидский период.

К этому времени относятся наиболее ранние слои городища Кюзелигыр в Присарыкамышской дельте [Толстов, 1947; он же, 1948а. с.77-83; он же, 1958. с.143 и сл.; Вишневская. Рапорт, 1997. с.153 и сл.]. В данной связи следует отметить особняком стоящую точку зрения Б.В. Вайнберг относительно хронологии Кюзелигыра и хронологических рамок доахеменидского периода истории Хорезма. Она полагает, что сложение кюзелигырской культуры происходит уже в ахеменидский период [Вайнберг, 1971, прим. 56].

Городище расположено на вершине холма, его очертания в плане следуют рельефу местности (рис. 2). Общая площадь, охваченная оборонительными стенами, составляет около 25 га. Выделяются две

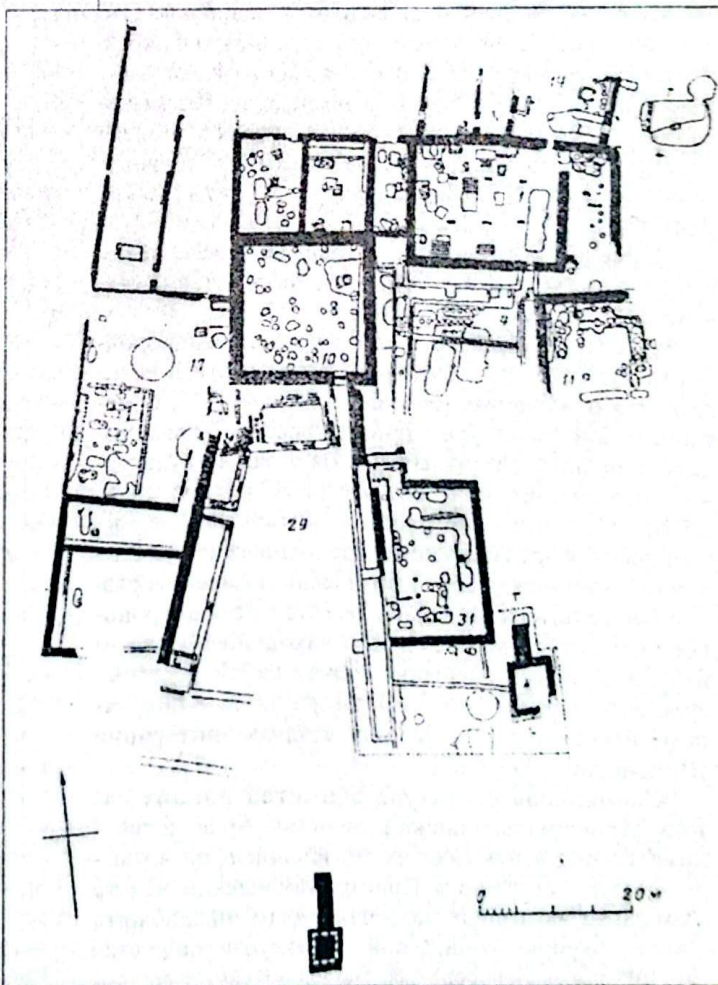

Рис. 3. Городище Кюзелигыр, центральное здание, план (по О.А. Вишневской и Ю.А. Рапорт).

линии разновременных укреплений - верхняя и нижняя крепости.

К интересующему нас периоду исследователи относят верхнюю крепость [Вишневская, Рапопорт, 1997]. Первоначально крепостными стенами была ограничена площадь около 11 га в наиболее возвышенной юго-западной части холма. Крепостные стены со стрелковой галереей внутри (ширина 2,0-2,5 м) имели в толщину около 5 м и около 3,5 м в высоту. Во внутренних стенах галереи в ряде мест находились узкие проходы внутрь крепости. Во внешней стене были устроены бойницы с плоским перекрытием и горизонтальным дном, отстоявшие одна от другой на расстоянии 2 м, расположенные в шахматном порядке. Через каждые 30-35 м на внешних стенах располагались башнеобразные полуовальные выступы, никак не огражденные от стрелковой галереи.

В каждом подобном башнеобразном выступе находилось по три бойницы, обеспечивавшие фронтальный и фланкирующий обстрел. Исследователями зафиксировано трое ворот с очень широким проемом, достигающим 4 м. Однако некоторые признаки позволяют говорить, что ворот было больше. Вход фланкировался двумя прямоугольными башнями со скругленными углами. Внутри башен располагалась стрелковая камера, соединявшаяся широким проходом с внутрисканной стрелковой галереей.

Стены крепости возводились из глинобитно-пахсовой кладки, однако в некоторых случаях в кладке был использован сырцовый кирпич стандарта 52х26х10 см. Перекрытие галерей плоское, кровля укладывалась на поперечные деревянные балки. Внутреннее пространство имело лишь ограниченную застройку: жилые и производственные помещения размещались в основном у крепостных стен. Большие пространства внутри крепости оставались свободными.

Примерно в центре верхней крепости находился архитектурный комплекс (рис. 3), который исследователи считают дворцом, выполнявшим функции хозяйственного и культового центра племенного объединения. В нем насчитывалось не менее 20 помещений различного назначения. Отмечены большие залы с колоннами, хозяйственные помещения с большим количеством хумов и зерновых ям. Особо выделяется большой двор площадью более 800 кв. м с низкими суфами по боковым стенам для знати и возвышением в торцевой части, в котором исследователи видят тронное место. Напротив этого возвышения находится поднятое на массивном кирпичном цоколе сооружение, которое связывается с культом огня (рис. 3).

Можно предполагать, что весь этот комплекс мог служить для гражданских церемоний. На возвышении на ложе, или на троне восседал царь, на боковых суфах располагалась племенная знать и чиновники. Смежные помещения с хумами, вероятно, выполняли роль царской сокровищницы. Царь мог устраивать в этом помещении приемы и может быть какие-то обрядовые церемонии. Сидя на троне, рас-

положенным на возвышении, царь обозревал обширный двор, который завершался высокой платформой с горевшим на ней священным огнем.

Нельзя не отметить поразительной близости, которую обнаруживает описанный комплекс с комплексом здания СЗ-II в Хасанлу [Young, 1966. с.58 и сл.; Дандамаев, Луконин, 1980. с.54]. Характерные черты колонных залов Хасанлу-платформа для трона у задней стены, суфы вдоль длинных стен, алтарь посередине были перенесены на описанную планировку в Кюзелигыре.

Если рассматривать Кюзелигыр как город, то необходимо отметить, что в Южном Приаралье он не имеет предшественника в виде протогородов эпохи бронзы. Возможно, что в данном случае может иметь место сознательное заимствование довольно развитых форм градостроительства у древневосточных государств, находившихся на более высоком уровне социально-экономического и социокультурного развития и попавших в зону вторжения Приаральских саков.

Наиболее вероятной датой городища Кюзелигыр является VI в. до н.э. [Мелведская, 1972. с.86, 89] с возможным заходом в V в. до н.э. [Вишневская, Рапопорт, 1997, 163]. Из-за многочисленных перепланировок затруднительно привести четкую периодизацию внутри этих хронологических рамок. Однако разделение на доахеменидский и послехахеменидский периоды вполне допустимо. К первому, безусловно, относятся древнейшие сооружения верхней крепости, в которых был использован сырцовый крупноформатный кирпич стандарта 52х26х10 см.

Широкие многочисленные ворота в оборонительных стенах, обширные незастроенные пространства внутри верхней и нижней крепости объясняются, по мнению исследователей, необходимостью за короткое время пропустить внутрь крепости максимально большее количество людей и скота, т.е. городище выполняло функции не только центра полуоседлой скотоводческой округи, но и крепости - убежища, где укрывалось вместе со своими стадами окрестное население. В литературе уже высказано сопоставление с квадратной варой Авесты, по сути приведенного в ней описания, совпадавшего с планировкой городища Кюзелигыр.

Раннее государство не объединяло, как это было впоследствии, территорию всего Хорезмского оазиса. Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют говорить скорее о возникновении первоначально лишь отдельных очагов государственности в виде небольших областей с единственным городским центром. На северо-западе Хорезмского оазиса это городище Кюзелигыр с прилегающей округой. Надо полагать, что границы данного очага древнейшей государственности Хорезма не выходили за пределы Присарыкамышской дельты, ограничиваясь территорией распространения памятников кушанской культуры. Это была ранняя государственность, подобная государственности древнейшего Египта, где в период, предшествовавший образованию объединенного государства, существовали отдельные области - *номы*, каждая со своим главным

городом и со своими богами [Всемирная история, 1956. с.147]. В Средней Азии исследователи отмечают аналогичную закономерность. По мнению М.М. Дьяконова, нет никаких доказательств существования в Средней Азии крупных доахеменидских государственных образований. Он пишет, что "границы первоначальных государств совпадали с границами ирригационных систем и орошенных ими земель" [Дьяконов, 1953. с.38].

В.М. Массон, исследуя вопрос о первых государственных образованиях в Маргиане, отмечает, что они представляли собой небольшие области. в качестве центра, имевшие крупные поселения с центрами [Массон, 1959. с.130].

Вероятно, Кюзелигыр и его ближайшая округа и являлись таким древнейшим государственным образованием номового типа. Однако отличием являлось то обстоятельство, что здесь древнейшая государственность возникает на базе полупастбищного, скотоводческого хозяйства и границы этого раннего государственного образования, вероятно, совпадали с племенной территорией.

На юго-востоке, это, вероятно, городище Хазарасп с прилегающей территорией. Эта область, насколько это позволяют заключить имеющиеся данные, основывалась на земледелии и, вероятно, была ограничена в пределах одного оросительного канала.

Мы не знаем сейчас, были ли Кюзелигыр и Хазарасп единственными очагами древнейшей государственности Хорезма или их было больше. Исследователи пишут о многочисленных памятниках т.наз. "архаического" периода. Однако, во-первых, достоверные слои доахеменидского периода выделяются пока только на Кюзелигыре и менее определенно на Хазараспе. Во-вторых, ни один из других памятников не может квалифицироваться как город, это, как правило, остатки небольших поселений. Во всяком случае, Гекатей Милетский называет только один город "у них город Хорасмия" [цит. по Пьянков, 1972. с.4] и как полагают "...пока лишь Кюзелигыр может претендовать на отождествление с πόλις χορασμία" [Вишневская, Рапопорт, 1997. с.171-172].

Заключение. Итак, мы можем констатировать, что в период конца VII-первой половины VI вв. до н.э. в нижнем и среднем течении р. Амударьи возникают первые очаги древнейшей государственности.

Сложение архаической древнехорезмийской цивилизации являлось закономерным этапом развития исторического процесса в Южном Приаралье и обуславливалось целым рядом факторов природного, этнического, социально-экономического, политического и культурного характера. Здесь имели место и прочные местные традиции, и заимствования, причем последние могли восприниматься лишь в том случае, когда была подготовлена почва для них и созрели условия для их восприятия.

Рассматривая вопрос о формировании древнехорезмийской государственности, мы, прежде всего, должны отметить, что если на юге Средней Азии, в древних Бактрии и Маргиане мы уже в эпоху бронзы имеем развитые земледельческие культуры с многочисленными протогородскими центрами, являвшимися базой для формирования древнейшей государственности, то на крайнем северо-западе, в низовьях Амударьи для эпохи бронзы были характерны культуры так наз. "степного типа", являвшиеся той основой, на которой формировались скотоводческие кочевые сакские культуры.

Процесс сложения древнейшей государственности в низовьях Амударьи, вероятно, носил полицентрический характер. Первоначально возникают небольшие раннегосударственные образования с одним городским центром. На современном уровне наших знаний о древней истории народов Южного Приаралья мы можем достаточно определенно говорить о двух очагах древнейшей государственности. Первый, с единственным городским центром, формируется на территории древней Присарыкамышской дельты р. Амударьи на базе оседло-скотоводческой экономики и неполивного земледелия. Население, сложное по составу, состояло как из аборигенных групп, так и пришлых племен сакского круга и, вероятно, этнических групп южного происхождения, продвинувшихся в Присарыкамышскую дельту Амударьи с юга из более древних центров древневосточных цивилизаций.

Археологически это ранний (доахеменидский) этап развития так наз. "архаической культуры". Материалы раскопок городища Кюзелигыр достаточно убедительно показали, что формирование этой культуры происходит в результате синтеза нескольких культурных комплексов: сакского, с одной стороны (вооружение, конская упряжь, украшения в зверином стиле, некоторые традиции в лепной керамике) и южного, бактрийско-маргианско-гирканского (сырцовый кирпич, круговая керамика) с другой [Вишневская, Рапопорт, 1997. с.165, 171].

Второй очаг формируется на юге Хорезмского оазиса, на базе оседло-земледельческой экономики и поливного земледелия. Вероятный городской центр мог находиться в современном Хазараспе, однако из-за недостаточности археологических данных подобная локализация пока остается как один из возможных вариантов.

Население также было неоднородным по составу и формировалось, с одной стороны, из потомков аборигенного населения эпохи поздней бронзы и из мигрантов из древней Бактрии и, возможно, Маргианы с другой.

Вероятно, в рассматриваемый период только в Присарыкамышском очаге ранней государственности население стало самоидентифицировать себя как "хорасмий", а территория, где они обитали, стала называться "Хорасмия".

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969.
2. Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент. 1979.
3. Баратов С., Матрасулов Ш. Археологические работы в Южном Хорезме. //Археологические исследования в Узбекистане. Ташкент. 2003.
4. Болелов С.Б. Некоторые итоги археологических работ на Хумбуз-тепе. //Общественные науки в Узбекистане. Ташкент. 1999. № 9-10.
5. Вайнберг Б.И. Новые памятники куюсайской культуры в Северной Туркмении. //Археологические открытия 1974 г. М., 1975.
6. Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-80-х гг. //Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. I. М., 1991.
7. Вайнберг Б.И. Памятники скотоводческих племен в Левобережном Хорезме. //Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. //Археология СССР. М., 1992.
8. Вайнберг Б.И. Курганные могильники Северной Туркмении. Присарыкамышская дельта Амударьи. //Кочевники на границах Хорезма. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XI. М., 1979б).
9. Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры. //Кочевники на границах Хорезма. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XI). М., 1979а.
10. Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-80 гг. //Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. I. М., 1991.
11. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999.
12. Виноградов А.В., Итина М.А., Мамедов Э.Д. Неолит и бронзовый век Южного Хорезма. //Древности Южного Хорезма. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XIV). М., 1991.
13. Воробьева М.Г. Проблема "Большого Хорезма" и археология. //Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
14. Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразиков Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. //Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг., I (Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6). М., 1963.
15. Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Городище Кюзели-Гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. //Вестник древней истории. М., 1997.
16. Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент. 1957.
17. Дурдыев Д. Канга-2. Поселение эпохи поздней бронзы. //Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад. 1984.
18. Дьяконов М.М. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961.
19. Жданко Т.А. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. //Советская этнография. 1961. № 2.
20. История таджикского народа. Т. I. М., 1963.
21. История Каракалпакской АССР. Т. I. Ташкент. 1974.
22. Итина М.А. Древнехорезмийские земледельцы. //История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
23. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. //Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. X. М., 1977.
24. Кузмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977.
25. Лившиц В.А. Общество Авесты. //История таджикского народа с древнейших времен до V в. н.э. Т. I. М., 1963.
26. Маршак Б.И. Историко-культурное значение согдийского календаря. //Традиции и современность. М., 1991.
27. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
28. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. //Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1959. № 73.
29. Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. //Советская археология. 1972. № 3.
30. Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. //Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 3. М., 1960.
31. Першиц А.И. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов. //Становление классов и государства. М., 1976.
32. Пилипко В.Н. Раскопки в Денаусском районе Чарджоуской области. //Археологические открытия 1974 года. М., 1975.
33. Пьянков И.В. Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана. //Вестник древней истории. 1961. № 4.
34. Пьянков И.В. Хорасмий Гекатея Милетского. //Вестник древней истории. 1972. № 2.
35. Пьянков И.В. Хорезм в античной, письменной традиции. //Хорезм и Мухаммад ал Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе. 1983.
36. Пьянков И.В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии. (Критический разбор работ Дж.Р. Гарднера-Гардена). //Вестник древней истории. 1994. № 4.
37. Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.
38. Рапопорт Ю.А. Краткий очерк истории Хорезма в древности. //Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.
39. Сагдуллаев А.С. Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии. //Античные и средневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент. 1989а.
40. Сагдуллаев А.С. Некоторые аспекты проблемы происхождения среднеазиатских комплексов типа Яз I. //Советская археология. 1989б. № 2.
41. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948а.
42. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948б.
43. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарты. М., 1962.
44. Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные закономерности развития кочевников Евразии. М., 1974.
45. Хлопин И.Н. Историческая география южных областей Средней Азии. Ашхабад. 1983.
46. Юсупов Х. Поселение конца эпохи бронзы на Канга-гыре. //Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье). М., 1991.
47. Яблонский Л.Г. Сакн Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.
48. Marquart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur

SUMMARY

In the article we give consideration to the issue of the means of the formation of the most ancient statehood of lower Amu Darya inhabitants at the end of VII—first half of VI centuries BC. We reveal to the necessity of revision at the contemporary informational level the hypothesis of the so-called "Great Chorasmia", which is long term prevalent in the science. We substantiate the new multicentered model of formation of the ancient statehood.

ОРУЖИЕ НАСЕЛЕНИЯ КЕРДЕРА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЬЕ (по материалам некрополя Куюккала)

М.М. Мамбетуллаев, О.Ж. Юсупов, Ж.Т. Турманов

Нукусский государственный педагогический институт им. Ажинияза

История раннесредневекового оружия населения Приаралья изучена еще далеко недостаточно. Хотя накоплен значительный археологический материал, имеются также скудные данные в источниках.

В предлагаемой вниманию читателей работе делается попытка классифицировать имеющиеся данные об оружии раннесредневекового Кердера на основании находок, сделанных при раскопках, проведенных авторами. Помимо куюккалинских материалов использованы джетыасарские, в частности, из исследованных Л.М. Левиной могильников джетыасарской культуры [Левина, 1993]. Вся эта обширная территория дельтовой части Сырдарьинского междуречья входила в регион, который занимали джетыасарцы-кердерцы, хотя здесь проживали и многие другие различные племена (хорезмийцы, кангуйцы, огузы, тюрки, угоры и т.д.).

Этническая принадлежность оружия с Куюккалы бесспорна - оно кердерское, но в комплексе вооружения Приаралья в целом оно чрезвычайно близко к вооружению населения Евразии.

Оружием дистанционного боя легковооруженной евроазиатской конницы являлись лук и стрелы. Анализ археологических материалов из куюккалинского могильника VI-VIII вв. н.э. подтверждает мнение исследователей о широком распространении в рассматриваемый период среди населения Центральной Азии и соседних территорий сложносоставного лука со срединными боковыми, фронтальной и промежуточными накладками [Худяков, 1980. с.75; Гаврилова, 1965. с.87]. Предметы вооружения дистанционного боя (остатки луков и стрел) известны на многих раннесредневековых памятниках Приаралья.

Луки. При раскопках некрополя (р. XV) в 2005-2006 гг. нами были обнаружены костяные накладки луков. Накладки - характерный элемент луков "гуниского" [Хазанов, 1966. с.40] или "кушано-сасанидского" [Литвинский, 1966. с.61-64] типов. Так как нами найдены не целые луки *in situ*, а лишь отдельные накладки, лежавшие в числе погребального инвентаря, мы не беремся утверждать, к какому из двух вариантов сложного лука они относятся. Отметим, что и "гуниский", и "кушано-сасанидский" луки - это лишь разновидности, притом весь-

ма близкие, одного и того же типа этого оружия, получившего самое широкое распространение в первых веках нашей эры на огромной территории и явившиеся очередной ступенью развития центральноазиатского сложного лука [Коляков, 1979. с.49].

Луки рассматриваемой серии относятся к одной группе сложносоставных. Среди них по количеству и месту расположения накладок выделяются два типа.

Тип 1, с концевыми и срединными боковыми накладками, найденные в погребениях 23, 28, 55, 63, 94, 166. Срединные боковые накладки длинные, широкие, с плавно изогнутыми концами. Концевые накладки длинные, узкие, прямые с изогнутым концом. Длина 21-30 см, максимальная ширина (у выреза для тетивы) 1,7-1,8 см, толщина порядка 3-4 мм (рис. 1,1-2,4-7; рис. 2,2,3). Накладки значительно массивнее описанных выше, лицевая сторона отделана менее тщательно. Фрагменты имеют сходство с обломками концевой накладки из III горизонта городища Топраккала [городище Топраккала, 1981. с.104, рис. 50,3], но более близкие аналогии - накладки из верхнего горизонта Джетыасара 3 (конец IV-VII вв.) и пара накладок из кургана, расположенного к югу от него [Левина, 1966. с.69; рис. 5,10].

Тип 2, со срединными боковыми и концевыми накладками. Обнаружен в погребениях 73, 88, 89, 97, 134, 185. Срединные боковые накладки длинные, широкие. Концевые накладки длинные, узкие, слабоизогнутые. На конце каждой накладки арочный вырез для крепления тетивы - ушко. Вырез полукруглый, высотой 0,6-0,7 см, глубиной 0,4 см. Отделка поверхности не особенно тщательная, на внешнем крае косые насечки, на обратной стороне продольные (рис. 1,3,8-10; рис. 2,4). Длина сохранившейся части 17-25 см, что дает основание предположить общую длину порядка 30-32 см. Максимальная ширина 1,6-1,7 см, толщина 3-4 мм. Таким образом, обнаруженные концевые накладки лука имели длину 27-32 см, ширину 1,6-1,8 см и толщину порядка 3-4 мм. Зная, что длина лука в это время составляла 110-160 см [Хазанов, 1966. с.34; Худяков, 1986. с.64], а срединная накладка достигала длины 30-35 см, мы можем предположить, что луки, для которых использовались накладки, в этот пери-